

ПАНЬКИН В. М.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ. ПРОБЛЕМА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Явление интерференции наблюдается в процессе непосредственного контактирования двух (или нескольких) языков, точнее говоря, процесс непосредственных языковых контактов сопровождается интерференцией. Однако сам термин «интерференция», возникший в физике ¹, будучи перенесенным в метаязык методики обучения иностранному языку в значении «тормозящее влияние родного языка на усвоение иностранного» ², не совсем верно, на наш взгляд, схватывает существо лингвистического явления. Оцениваемое с методической точки зрения как явление негативное (в плане овладения вторым языком), оно прежде всего объективное (и двустороннее) и неизбежно возникающее, как только разноязычные коллективы вступают в активные контакты.

Это явление наиболее очевидно в процессе обучения второму языку: в данном случае оно, образно говоря, всплывает на поверхность чужой речи носителя родного языка в виде своеобразного продукта — явных речевых ошибок, квалифицируемых носителями изучаемого языка как нарушение языковых норм ³. Но результаты интерференции могут быть менее заметны, чем речевая ошибка, и вовсе не быть квалифицированы как отрицательные, а, напротив, иметь положительное значение при оценке процессов взаимодействия двух (или более) контактирующих языков ⁴.

Сказанное в равной мере относится не только к контактам двух разносистемных языков, но и к процессам взаимодействия близкородственных языков и в той же степени к контактам языка (взятого за основу литературного) с его диалектами, а также диалектов друг с другом ⁵. Явление интерференции, как свидетельствуют многочисленные исследования ⁶, возможно на любом языковом уровне: лексико-семантическом, фонетико-фонологическом, грамматическом, словообразовательном и даже крайне формальном — графическом. Что же такое интерференция? Ответ на этот вопрос зависит от того, исследователи какой области знания, сопряженной с наукой о языке, занимаются проблемой двуязычия — лингвисты, специалисты по лингводидактике или психологи. В одной, исходной позиции все они солидарны: интерференция — явление, возникающее при столкновении, взаимодействии двух языков.

Лингвисты видят корни интерференции в самом механизме языка. «Интерференция, рассматриваемая в лингвистическом аспекте, представляет собой явление взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в процессе общения двуязычного населения...», — констати-

¹ «Интерференция [лат *inter* между + *ferens* (*ferentis*) несущий, переносящий] — физ. взаимное усиление или ослабление волн (звуковых, световых, тепловых, электрических) при их наложении друг на друга...» [1].

² Л. В. Щерба писал: «...нельзя не признать, что родной язык является все же нашим врагом при изучении иностранного языка, так как это он заставляет нас делать... бесчисленные ошибки...» [2]. Эта мысль Л. В. Щербы нашла многочисленных сторонников.

³ В лингвистической и чаще — в лингводидактической литературе исследование интерференции сводится именно к поискам и классификации этих ошибок.

⁴ В этом плане показательна работа М. Г. Булахова в [3].

⁵ См., например, статью А. М. Асланова в [3]. Под морфологической интерференцией автор понимает морфологическое взаимопроникновение, заимствование морфологических форм и значений.

⁶ См. ряд статей в сборнике [3], также [4—8].

руют Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко [см. 3, с. 28]. Аналогичное определение дает Е. Н. Ершова, рассматривая интерференцию на уровне языка и речи [3, с. 131]. В некоторых исследованиях ставится знак равенства между явлениями интерференции и заимствования, однако такая точка зрения вызывает порой категорические возражения. Так, Л. И. Баранникова считает, что «это — явления не только различные, но и во многом прямо противоположные» [см. 3, с. 89].

Одни специалисты в области лингводидактики, рассматривая данную проблему применительно к задачам обучения русскому языку как второму, не склонны видеть в ней языковой аспект вне проблем методики. Понимая под интерференцией перенесение школьниками, студентами знаний, умений и навыков из родного языка в обучаемый, они утверждают, что «...на стадии обучения межъязыковая интерференция, являясь принадлежностью не языковой системы, а речевой деятельности, выступает как отрицательный перенос (разрядка наша. — П. В.), с которым надо бороться, поскольку он задерживает обучение русскому языку...» [9, см. также 10, 7]. Другие, исследуя интерференцию в методическом аспекте, усматривают в ней «ошибочное отождествление и перенос явлений из области родного языка (языка — источника) в область изучаемого языка (языка — рецептора)» [8] или перенос отношений между элементами из одной системы языка в другую через «третью систему» (промежуточную), «отличающуюся как от родного, так и от изучаемого языка, которая находит свое реальное выражение в ошибках учащихся» [11]. В последнем случае взаимодействие языковых систем при обучении второму языку рассматривается как взаимодействие оппозиций (позиция и оппозиция выступают как системообразующие факторы).

Ученые, интересующиеся проблемой интерференции в психолингвистическом плане, исходят из основных посылок теории усвоения языка, теории речевой коммуникации, в частности, порождения речевого высказывания⁷. Интерференция воспринимается ими как явление, сопутствующее взаимодействию двух языковых систем в сознании билингва, как «нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [13]. Не исключены, разумеется, крайне противоположные и промежуточные точки зрения на это явление. Так, некоторые в качестве «интерферентного» материала исследуют в синхронном и диахронном аспектах лексику, заимствованную из одного языка другим в результате этнических контактов народов и взаимодействия их языков и затем подвергшуюся полной или частичной адаптации в заимствующем языке⁸. Таким образом, термин «интерференция», на наш взгляд, более точно трактуется теми лингвистами и психологами, которые используют его для обозначения результатов взаимодействия языков.

В каком бы плане ни рассматривалось явление интерференции, нетрудно видеть, что в центре внимания исследователей находится один и тот же — «контактный» — языковой материал, которым они оперируют, доказывая свои теоретические посылы, и который в общем-то и дает основание заниматься проблемой интерференции. В таком материале обнаруживаются факты изменения (нарушения) языковых норм, правил, закономерностей одного из контактирующих языков под влиянием другого. Важно подчеркнуть, что эти нарушения, изменения норм не стихийны, не хаотичны — они носят явно направленный характер у п о д о б л е н и я нормам, правилам, закономерностям другого языка⁹.

⁷ Наиболее разработанной в советской психолингвистике считается модель порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева, восходящая в понимании психофизиологических механизмов речи к идеям Л. С. Выготского, Н. А. Бернштейна, А. Н. Леонтьева. Об использовании этой модели в психологии и теории обучения русскому языку как иностранному [см. 12].

⁸ См., например, статью М. Косничану «Интерференция в антропонимии (на материале славяно-молдавских отношений)» [3].

⁹ Факты уподобления, ассимиляции языковых элементов при интерференции отмечаются лишь некоторыми исследователями. См., например, статьи Л. И. Баранниковой [3, с. 89], Н. Г. Корляту [3, с. 126], Е. Н. Ершовой [3, с. 132] и др.

В языковой норме заложена охранительная функция языка. «Вне общепринятости в определенном языковом коллективе немислимо существование самого языка... Чего нет в самом языке, его системе или структуре, является нарушением нормы, затрудняет общение или вовсе делает его невозможным. Сам язык есть норма...» — писал Ф. П. Филин [14]. Законы, правила, закономерности (структурно-грамматические, семантические, стилистические и др.) языковой системы и ее функционирования, находящие прямое или опосредованное выражение в языковой норме, лежат в основе охранительной функции языка, обеспечивая его способность быть единой, устойчивой, цельноорганизованной, но не замкнутой, постоянно развивающейся, совершенствующейся системой, предохраняющей себя от размывания, разрушения, вымирания.

Говоря об охранительной функции, мы не рассматриваем ее как некое имманентное свойство языка в отрыве от его носителей, общества, которое он обслуживает. Носители родного языка не создают его всякий раз, когда начинают общаться, но всякий раз (в той или иной степени осознанности, в зависимости от ситуации общения) человек, реализуя возможности языковой структуры, думает, как правильнее выразить свою мысль, т. е. обнаруживает стремление к языковому идеалу. Охранительная функция родного языка как относительно самостоятельного механизма и охранительная языковая функция общества составляют диалектическое единство. Давно замечено, что «нормы языка не вырабатываются наукой; они существуют объективно и возникают задолго до нормализации (до появления словарей, грамматик, самой науки о языке» [15, с. 338]), что «нормативность литературного общения по самой своей природе явление внутриязыковое...» [15, с. 337]. Исходя из этого, норма рассматривается как одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка, его жизнеспособности.

При контактировании двух (нескольких) языков охранительные функции их сталкиваются — языковые нормы вступают в «противоборство», возникает явление интерференции — уподобления: норма одного языка стремится подчинить себе норму другого языка. Результаты этого «противоборства», уподобления могут быть разными на различных уровнях языка и речи и зависят от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. В речи обучающихся второму языку это противоборство выступает как противоборство «неравных сил», так как в языковой опыт обучающихся вторгаются элементы чужой языковой системы, не осмысленной ими в целом. Срабатывает охранительная функция родного языка в сознании монологичной личности, языковые нормы родного языка стремятся уподобить себе императивные нормы языка изучаемого: учащийся-казах говорит: *Дни быстро идет* и не замечает своей ошибки, так как это предложение совершенно правильно с точки зрения родного языка казаха и соответствует казахской модели *Кундер тез өтіп жатыр*. Русское предложение построено по образцу казахского, где глагол ставится на последнем месте (тяготеет к концу предложения), во-первых, и, во-вторых, — имеет форму ед. числа, что соответствует казахской норме. Ср.: *человек идет — адам келе жатыр; люди идут — адамдар келе жатыр*.

Языки вступают в контакты тогда, когда вступают в контакты люди, народы. Понадобились целые исторические периоды контактирования народов и их языков, чтобы сформировалась сама система обучения неродному языку. Но вне зависимости от этих исторических периодов носитель родного языка сталкивался с явлением интерференции, как только он пытался понять и освоить язык другого народа — охранительная функция родного языка, заложенная в самой его природе, вставала на пути усвоения «чужого». Наука о языке, а тем более о двуязычии, появилась значительно позже той эпохи, когда носители различных языков начали вступать в тесные контакты. Вступающий в контакт не мог, естественно, сопоставить родной и чужой язык на уровне нашего, научного, сознания. Но бессознательному отторжению чужого языка, обусловленному действием охранительной функции родного, сама потребность в общении (заинтересованность, например, в торговле) противопоставляла осознанное

«влечение» к языку соседа, желание прислушаться к нему, понять взаимоотношения языковых элементов. В родной язык привносились чужие слова. Ввиду фонетико-фонологических различий контактирующих языков эти слова-заимствования через устную речь могли быть переняты в таком фонетическом облике (в той звуковой оболочке), как воспринимало их языковое сознание носителей родного языка (т. е. уже уподобленными системе родных звуков), а с течением времени еще более уподобиться и вовсе утратить свой первоначальный облик и внутреннюю форму слова. Явления интерференции и заимствования, как представляется, тесно между собою связаны, но они — единство противоположностей, единство двух полярных тенденций существования языка — тенденции к устойчивости и тенденции развития, обогащения. Слово заимствуется вопреки действию охранительной функции, но если в нем ощущается потребность, язык «не препятствует» вхождению заимствования, но тут же адаптирует его, уподобляет своим нормам и правилам (если заимствование в силу каких-то причин не уподобляется полностью, тогда оно пополняет исключения из правил родного языка или квалифицируется как иностранное слово, иностранное «вкрапление»). По мере развития языковых контактов формируется двуязычная языковая среда, начинается активное взаимодействие двух языков в разных видах и формах речи, различных по своей жанрово-стилистической дифференциации. «Ассимилированные» языковые элементы (содержательные и формальные), утвердившиеся в родной и русской речи двуязычного населения как норма или вариант нормы, могут «осесть», закрепиться в системах родных языков контактирующих народов. Но для этого нужно время: норма изменчива только во времени: Сравним русск.: *Туризм — лучший отдых* и казах.: *Туризм — тамаша демалыс*. Казахское предложение является точной копией (калькой) русского и, если рассматривать эту конструкцию с точки зрения исконных норм казахского (тюркского) языка, то в ее построении обнаруживается влияние русского синтаксиса [см. 16, 17, 18].

Заимствование, на наш взгляд, — не прямой результат интерференции, а ее крайний случай, когда язык не только уподобляет чужой языковой элемент, но и с течением времени «присваивает» его себе.

Явление интерференции (уподобления) в условиях национально-русского двуязычия обнаруживается не только в речи двуязычного населения — языковые контакты не замыкаются в этой сфере общения, а распространяются как языковое взаимодействие в художественной литературе (в русскоязычных произведениях национальных писателей, в частности), в периодической (в частности, русскоязычной) прессе, в языке массовой коммуникации и т. д. Понятно, что здесь интерференция не дает о себе знать так очевидно, как в речи двуязычного населения, так как мы имеем дело непосредственно (кино, радио, телевидение и т. п.) и опосредованно (книга, газета, журнал) с автором — носителем языка в его литературной форме — писателем, журналистом, диктором и т. д., т. е. человеком, который хорошо владеет языком и сознательно берет на вооружение его охранительную функцию, защищая его литературные нормы. Интерференция может быть в этих случаях вовсе не заметна для слуха и глаза рядового слушателя, читателя-неспециалиста в области языкознания. Если подвергнуть лингвистическому анализу русскоязычные художественные произведения национального автора, то выявятся, в первую очередь, случаи интерференции в плане понятийно-смысловом, семантическом, стилистическом, так как «художественная русскоязычная литература, представленная произведениями национальных авторов, является не только сферой использования лексики языков народов СССР, но и сферой непосредственных понятийно-смысловых, семантических и стилистических контактов между словами русского языка... и словами национальных языков...» [19].

Однако здесь имеет место взаимодействие языков не только в лексике, но и на других уровнях языковой системы — структурно-грамматическом, словообразовательном, а также на уровнях структуры, кодирования

и сегментации художественного текста¹⁰. Эти вопросы взаимодействия русского и национальных языков в сфере художественных литератур остаются пока не тронутыми исследователями и ждут своего разрешения.

Примерами интерференентных явлений на семантическом, структурно-грамматическом и словообразовательном уровнях языковых систем в русскоязычных произведениях национальных авторов могут служить следующие предложения и случаи словоупотребления из русскоязычной повести казахского писателя Сатимжана Санбаева «Когда жаждал мифа» (На свете белом. Повести казахских писателей. Алма-Ата, 1984): (1) Через пять лет *приехали*, смотрю — другие совсем ребята. Тоже *послушали, записали*. Эти еще быстрее *работали*, все делали на ходу (с. 11); (2) А уже раздалось громкое призывное ржание, и к холму, к разбредающемуся навстречу солнцу косяку, *поскакал жеребец с длинным туловищем* (с. 7); (3) Показался очередной сторожевой пост, *оба легкоконных воина*, застывших у вышки, торопливо поклонились (с. 13); (4) *В скалы он въехал* недалеко от знакомого песчаника, за которым протекал ручей (с. 34); (5) Храм был вырублен в скале, *и он предстал взору весь*: крестовидный план с анфиладным решением помещений, которые были явно не симметричны и не одинаковы, но как-то органично связаны друг с другом (с. 12).

В (1) примере интерференция усматривается нами в том, что казахский порядок слов в предложении влияет на русское словорасположение (уподобляет его), и это обуславливает постановку глаголов-сказуемых в конце предложения, что соответствует нормам тюркского языка [16, 17, 20]. Во (2) и (3) примерах интерференентные явления более очевидны: *поскакал жеребец с длинным туловищем, оба легкоконных воина*. Интерференция здесь носит довольно сложный характер, т. к. в данном случае взаимодействуют («борются») языковые элементы разных уровней: грамматического, семантического, словообразовательного, — и обусловлена таким различием в русском и тюркских языках, как отсутствие предложно-падежных форм в последних — наличием в них послелогов, которые не всегда выступают эквивалентами русских предлогов. Следует иметь в виду и такой момент: признак, присущий самому предмету (*старый человек*), и признак, перенесенный на предмет с другого предмета (*человек в шляпе*), в казахском языке имеют свои особенности грамматического выражения: если русские говорят: *комната с зелеными стенами*, но казахи скажут буквально: *зеленостенная комната*.

Строгое различие признака, присущего самому предмету, и признака, «опосредованного» другим предметом, подчеркивается в казахском языке употреблением глагола *бар* («есть, имеется») или неупотреблением его: *человек с черными глазами* — казах. *қара көзді адам*; но: *человек с ребенком* — *баласы адам бар*. Многозначность предлога *с* в русском языке [Словарь русского языка в четырех томах. (М., 1981—1984) отмечает 24 случая его употребления] также способствовала возникновению интерференентной конструкции *поскакал жеребец с длинным туловищем*, в которой налицо двужначность: ср. возможное синтагматическое членение — *жеребец с длинным туловищем*; *поскакал с длинным туловищем*. Слово-сочетание *легкоконные воины* тоже несвойственно русскому языку: оно находится за пределами продуктивных реализаций словообразовательной семантики русского языка (ср.: *легкокрылая птица*, но неупотребляемое: *легкомашинный шофер*); «окказиональное» словообразование автора стало возможным под влиянием казахской аналогии (ср. также: *город из желтого камня* — *желтокаменный*, казах. *сарытас*¹¹; ср.: *густотравные луга* [20, с. 187—188]).

В (4) примере интерференентное словоупотребление *в скалы он въехал* могло возникнуть не только потому, что в казахском языке отсутствует предлог *в*, но и потому, что, по-видимому, автор употребляет слово *скала*

¹⁰ Данные проблемы применительно к одному языку успешно решаются многими исследователями (например, работы В. П. Григорьева, Ю. М. Лотмана, И. В. Арнольд, Е. Т. Коволенко и др.).

¹¹ В связи с этими наблюдениями представляет интерес история возникновения словосочетания *белокаменная Москва*.

(*скалы*) в более широком значении, чем «каменный утес с острыми выступами» (Словарь русского языка С. И. Ожегова)¹², что и подтверждается в дальнейшем тексте повести: — *А я хочу видеть скалы!* — *Бекет задержался, завертел головой вокруг, словно пытаюсь сейчас же увидеть горы* (с. 43). В (5) примере *и он предстал взору весь* результат интерференции ощущается нами в том, что было бы «более по-русски» сказать: *и он весь предстал взору* или, если оставить авторское словорасположение, необходимо добавить уточняющее слово — наречие *целиком* (ср.: В тот же день стало известно, что стрелецкий полк Лаврентия Сухарева *весь целиком* ушел в Троицу (А. Н. Толстой, Петр Первый). Однако в казахском языке русские слова *весь* и *целый* могут передаваться одной лексемой — *бүкіл* (вероятно, в сознании автора-билингва значение слова *целиком* — «в полном составе, объеме» органически включалось в значение слова *весь* — *бүкіл*).

Употребление национальной лексики в этой русскоязычной повести казаха-билингва (даже в тех случаях, когда, казалось бы, есть русские эквиваленты и соответствия) свидетельствуют не только о художественно-изобразительных целях, преследуемых писателем, но и о наличии в системах понятий двух языков определенных расхождений, скрытых в национально специфических элементах понятийно-смыслового содержания родного языка, которые автор как носитель казахского языка и представитель казахского народа стремится сохранить в языковой ткани повести: «Булат огляделся. Жили табунщики просто. Через решетчатое *кереге* виднелись сложенные на *жастагаше* — деревянной подставке — одеяла и подушки; необходимая утварь была разложена на деревянной полке, рядом с ней стоял *кебеже* — сундучок для посуды» (там же, с. 37).

Степень интерферентных явлений, результаты противоборства норм, правил, закономерностей разноуровневых элементов языковых систем, стремящихся уподобить одна другую, зависят от многих факторов. В первую очередь, следует отметить такой фактор, как принадлежность языков к разным языковым семьям (группам) или к одной, близкородственной. Если языковые элементы одной системы в целом сходны с элементами другой и имеют незначительные расхождения на известных языковых уровнях, то эти расхождения, различия и будут служить почвой для появления интерференции и обуславливать ее результаты. Сходные языковые элементы, правила, закономерности и нормы, согласно которым они строятся и функционируют, не могут вызвать интерференцию, т. е. они не вступают в противоречия и не уподобляют друг друга.

Вряд ли практически возможно вычислить на основе контрастивного анализа уровней двух языковых систем все «вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков» [21; см. также 22], так называемое поле потенциальной интерференции. Однако исследование этого поля на основе изучения схождений и расхождений уровней двух языковых систем (прежде всего структурно-грамматических), дальнейшая разработка методики преподавания второго языка с учетом результатов сопоставительного анализа, создание интерференционных словарей и справочников представляется предприятием перспективным.

Конкретные результаты интерференции русского и национального языков обусловлены также социальными этнолингвистическими условиями языкового взаимодействия: происходит ли оно в двуязычной (многоязычной) среде или в отсутствии русского речевого окружения, каков национальный и этнический состав данного языкового региона (наличествуют ли в нем диалекты или говоры), в какой конкретно сфере общения рассматриваются языковые контакты, каков возрастной состав двуязыч-

¹² Аналогичное толкование находим и в Словаре русского языка в четырех томах (М., 1981—1984). Более широко толкуется *скала* в Кратком толковом словаре русского языка (под ред. В. В. Розановой, М., 1985), предназначенном для лиц, изучающих русский язык как иностранный или неродной, — «небольшая каменная гора или часть горы». Исходя из такого толкования, можно усмотреть синонимические отношения *скала* — *гора*, что не подкрепляется литературными примерами. Ср. также нетавтологическое словосочетание *скалистые горы*.

ного населения, его образовательный ценз, степень владения родным и русским языком. Последнее особенно важно при анализе интерферентных явлений в речи обучающихся русскому языку школьников национальных школ и студентов национальных вузов. Именно здесь, в сфере формирования национально-русского двуязычия, через противоборство двух языковых систем в сознании и речевой деятельности обучающихся происходит овладение русским языком, познание нового. Вероятно, что овладение любым вторым естественным языком проходит через барьер интерференции. Поэтому, как представляется, даже с методической точки зрения, в интерференции следует видеть и позитивную сторону.

В живой русской речи носителей родного национального языка (и, разумеется, в родной речи билингвов) интерферентные явления могут обнаруживаться сразу на нескольких уровнях языковой системы (причем уподобление одного языкового элемента может вызвать изменение, нарушение нормы другого языкового элемента) и усугубиться речевой ошибкой, не имеющей отношения к интерференции.

Проследим это на анализе письменной речи казаха, закончившего сельскохозяйственный институт. Информант учился в казахской школе с родным языком обучения (в качестве информативного материала послужила переписка с ним в течение нескольких лет). В предложении казаха *Привет от Алма-Аты Ерлана к своему другу* можно видеть лишь речевые ошибки, обусловленные недостаточным знанием русского языка, однако в этой фразе скрыто явление уподобления синтаксических моделей. Предложение построено по образцу казахской модели, где возможность постановки косвенного дополнения перед прямым соответствует норме родного (тюркского) языка, в котором синтаксис, как принято говорить, левосторонний (косвенное дополнение — прямое дополнение ← глагол-сказуемое).

В высказывании *А у нас в Алма-Ате все хорошо и никакой ошибки нету* ошибки объясняются тем, что определение-прилагательное (местоимение) не изменяется в казахском языке. Информант не изменяет его и в русском предложении. Неправильное употребление падежных флексий — результат недостаточного владения русским языком. Причем в данном случае ошибки информанта не влияют на восприятие смысла высказывания адресатом, т. е. они коммуникативно не значимы.

В неопределенно-личной конструкции информанта: *И их [товарищей], наверно, заберет* (вм. *заберут*) в *Москву* употреблен глагол в ед. числе 3-го лица вместо множественного — налицо уподобление форме родного языка, т. к. в однотипной казахской конструкции употребляется глагол в ед. числе: *Оларды мүмкін Москваға алып кетеді*.

В предложении *Мы их [спортсменами] гордимся* употребление родительного падежа вместо творительного можно объяснить тем, что в аналогичной казахской модели употребляется именно родительный падеж: *Біз бұларды мақтаншы етеміз* [устойчивое сочетание существительное + вспомогательный глагол *мақтаншы* (гордость) + *етеміз* (вспом. гл.) в казахском языке требует родительного падежа].

В предложении *И здесь [на Медео] выступили знаменитые спортсмены так называемый Э. Хейден, К. Буше, Д. Оглобин, Н. Петрусева, В. Козлов и другие* неправильно употреблено устойчивое выражение *так называемый*. Русское употребление этого словосочетания в значении 1) «как обычно называют» и 2) «для выражения иронического или отрицательного отношения к кому-чему-н.» (Словарь русского языка С. И. Ожегова), как видим, исключается контекстом предложения. Мы наблюдаем здесь своеобразную лексико-семантическую контаминацию, поскольку *так называемый* при переводе на казахский язык теряет фразеологическое значение. Для передачи информации по-русски билингв подбирает адекватные слова одной семантической группы и употребляет фразеологическую единицу не в обобщенном, а в прямом, непосредственном значении («так они зовутся»).

Аналогично происходит контаминация двух русских словосочетаний (только уже на грамматическом уровне) в таком высказывании информан-

та: *Он был мой настоящим другом*. Известно, что в подобных предложениях с координируемыми главными членами допускается замена именительного падежа имени в составе сказуемого творительным падежом: *Он был мой настоящий друг — Он был моим настоящим другом* [см. 23]. В сознании билингва эти два грамматических варианта, по-видимому, скрешиваются, и на письме обнаруживается третий вариант — с нарушением правил согласования. Контаминация двух (нескольких) русских словосочетаний — довольно частое явление в русской речи казахов-билингвов. Она усугубляется отсутствием в казахском языке предлогов, их многозначностью в русском языке, усвоить которую довольно сложно для казахов: *Преподаватели постоянно благодарили [нас] и примером показали от других* (контаминация выражений: *ставит в пример, показать пример, отличать от других*).

О том, что нарушения норм при овладении русским языком носят явно направленный характер уподобления нормам родного языка, свидетельствуют «интерферентные ошибки» в русской речи младших и старших нерусских школьников тюркоязычного региона. Нами проведено обследование ряда школ с многоязычным контингентом учащихся (классы с различными языками обучения) в Казахстане, Азербайджане, Каракалпакии. Ср.: *Пять колхозница собирают урожай* (6-й кл. с казах. яз. обучения); *Два немецких солдат стоят над ним* (10-й кл. с казах. яз. обучения). Сочетание *пять колхозница* употреблено по аналогии с казахской конструкцией (*бес колхозшы*). Употребление *два* вместо *двое* также объясняется казахской аналогией (*екі неміс солдаты*). Собирательное числительное *двое* в казахском языке употребляется в значении сказуемого-предиката: *Олар екеу*. Ср. также: *Что случилось тебе? Мальчики держит корзина* (3-й кл. с казах. яз. обучения), что соответствует казахским высказываниям: *Не болды саған? [Кімге? Кому? — дат. п. (казах. барыс септік)]; Балалар корзина ұстап тұр* — прямое копирование способов передачи информации на русском языке с казахского языка, уподобление русских языковых форм казахским (тюркским).

Анализ ошибок в русской речи тюркоязычного населения свидетельствует о том, что явление интерференции обусловлено спецификой родного языка. В предложениях (1) *У девочки фартука синего цвета* (10-й кл. с азерб. яз. обучения); (2) *Где приземлится самолет, там все бежат* (8-ой кл. с казах. яз. обучения) ошибки учащихся, как кажется на первый взгляд, вызваны отсутствием категории рода в родном языке (*фартука*) или незнанием значения русских слов (*там* вм. *туда*). Однако это не так — ошибки здесь обусловлены спецификой грамматических категорий и особенностями лексической системы тюркского языка. В (1) предложении наличие слов *у девочки*, заключающих в себе указание на конкретный объект, требует определенной падежной формы — родительного конкретного. По аналогии с этим требованием учащийся ставит. сущ. *фартук* в род. падеж — *фартука* («омоформа» сущ. ж. р. — «фартука», ср.: *кнопка*); *бежат* вм. *бегут* — неправильное образование глагольной формы, встречающееся и в речи русских. Во (2) предложении ошибочно употреблено слово *там*. В казахском языке значение его передается лексемой *сонда*, совмещающей в себе и значение «туда» (*сонда* — «там», «туда»); происходит ложная идентификация значений «там» и «туда».

Наша картотека ошибок в русской речи каракалпакских школьников свидетельствует об однотипности этих ошибок с ошибками казахов: *Я люблю осен* (5-й кл. с каракалп. яз. обучения). Поскольку в слове *осень* первый гласный непереднего ряда, сингармонизм каракалпакского языка (как тюркского) не допускает конечного *н* мягкого. Мы наблюдаем явление уподобления на фонетическом уровне.

Представляется интересным выявить и классифицировать ошибки в русской речи казахов-билингвов, обусловленные особенностями выражения форм множественности и категории числа в казахском языке (как и других тюркских, агглютинирующих языках) [см. 24], накладывающими свой отпечаток на усвоение казахами форм выражения категорий числа и понятий множественности русского языка; например: *Мы видим на кар-*

тине много дерево (6-й кл. с казах. яз. обучения) (аналогия с казахским языком) или: *Мы видим на картине много деревья* [казах. *ағаштар (ды)*] — вин. пад. — может быть с аффиксом и без него; *Где хранятся знания?* (вопрос учителя, 4-й кл. с каракалп. яз. обучения — аналогия с тюркским: глагол не изменяется при единственном и множественном числе существительного; *Семья переехали* (8-й кл. с казах. яз. обучения). В слове *семья* заключено понятие множественности «муж и жена, родители с детьми» (это не один человек, а два и больше) — поэтому казах согласует это существительное со значением множественности с глаголом во множественном числе.

Безусловно, нельзя свести все речевые ошибки казахов-билингвов (или изучающих русский язык казахов) к уподоблению. Любопытно заметить, что некоторые ошибки в русской речи казахов (особенно у начинающих изучать русский язык) напоминают «казусы» русской детской речи: *Она прожила счастную жизнь* (из сочинения ученика-казаха, 4-й кл.). Здесь прослеживается недостаточное осознание членимости русских слов на морфемы. Подобно русским детям, учащиеся-казахи образуют своеобразные окказионализмы путем депрефикации¹³. И, наконец, в русской речи школьников тюркоязычного региона нами зафиксированы такие ошибки, которые детерминированы рудиментарными фактами языка: *Что летит над горами?* — *Над горами летят птицы* (6-й кл. с казах. яз. обучения). Казахское вопросительное слово *кім?* («кто»?) употребляется только по отношению к человеку, а *не?* («что»?) — по отношению ко всем, кроме человека [20, с. 234]. Поэтому вопрос *Что летит над горами?* с точки зрения казаха правилен.

Таким образом, ведущим явлением в процессе взаимодействия двух (или нескольких) языков мы считаем явление уподобления языковых элементов (содержательных и формальных) одного из контактирующих языков языковым элементам другого. Уподобление, на наш взгляд, есть непосредственное проявление главной тенденции процесса взаимодействия языков при двуязычии (как и при иных формах взаимодействия языков) — сближения структур взаимодействующих языков, установления однозначного соответствия между взаимодействующими языками [26], также [3, с. 103]. Иными словами, эту общую тенденцию при взаимодействии языков, характеризующуюся выравниванием, достижением большего сходства или подобия между элементами разных языков [27], можно назвать аттракцией.

Уподобление элементов одного из контактирующих языков элементам другого языка (иными словами, интерференция), как нам представляется, — результат объективного проявления охранительной функции родного языка, являющейся своеобразным ключом к пониманию механизма языковых взаимодействий, позволяющим выявить точки приложения лингводидактических усилий при обучении русскому языку и выработать необходимые ортологические рекомендации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. Под ред. Лехина И. В. и Петрова Ф. Н. М., 1949, с. 260.
2. Шерба Л. В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков. — В кн.: Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 343.
3. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
4. Копыленко М. М., Ахметжанова З. К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата, 1984.
5. Мейрамов Г. А. Интерференция при изучении несогласованных определений (на материале тюркских и русского языков). — В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
6. Ман О. Лексика и вопросы интерференции. — Русский язык за рубежом, 1977, № 2.
7. Влчек Й., Грабе В., Грдличка М., Ман О., Ходера Р. Вопросы языковой интерференции при обучении русскому языку в Чехословакии. — Русский язык за рубежом, 1977, № 2.

¹³ См. подробнее о депрефикации в работе И. С. Улуханова [25].

8. *Иирачек И.* Межъязыковая и смешанная интерференция в словообразовании.— В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения. Четвертый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Тезисы докладов и сообщений. Берлин, 1979, с. 98—99.
9. *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Актуальные вопросы изучения русского языка как языка межнационального общения народов СССР.— Русский язык в армянской школе, 1980, № 3, с. 8.
10. *Фретвурст П.* К вопросу об учете родного языка при изучении грамматики в школе.— В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения. Четвертый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Тезисы докладов и сообщений. Берлин, 1979, с. 344.
11. *Журавлева В. В., Кедайтене Е. И.* К проблеме механизма интерференции.— В кн.: Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Пятый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Доклады советской делегации. М., 1982, с. 129.
12. *Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку.* М., 1972.
13. *Бадиашвили Т.* Порождение речевого высказывания и проблема интерференции.— *Aspekti*, Helsinki, 1977, № 2, с. 43.
14. *Филин Ф. П.* О языковой норме.— В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах: Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам. 22—25 окт. 1974, М., 1976, с. 6.
15. *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры русской речи. М., 1980.
16. *Баскаков Н. А.* Сопоставительный анализ структуры словосочетаний и предложений в русском и тюркских языках.— В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
17. *Кенесбаев С. К., Карашева Н. Б.* Казахский язык.— В кн.: Языки народов СССР: В пяти томах. Т. II — Тюркские языки. М., 1966.
18. *Демесинова Н. Х.* Развитие структуры простого предложения в казахском языке.— В кн.: Прогрессивное влияние русского языка на казахский. Алма-Ата, 1965.
19. *Михайловская Н. Г.* Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М., 1984, с. 27.
20. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.
21. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972, с. 27.
22. *Карлинский А. Е.* Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Киев, 1980.
23. Русская грамматика. М., 1980, т. II, с. 278—282.
24. *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.— ВЯ, 1975, № 3.
25. *Улужанов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 77—80.
26. *Панфилов В. З.* Взаимодействие языков при двуязычии с точки зрения взаимоотношения языка и мышления.— ИАН СЛЯ, 1970, № 3, с. 203.
27. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.